

Эмоции омеги по своей природе были крайне чувствительны и хрупки. Оказавшись в этом чужом мире без всякой на то причины, Тан Чжо всё это время отчаянно старался казаться сильным, сдерживая себя.

Однако со временем он осознал, что это невероятно трудно...

Он до боли скучал по папе и маме, бесконечно тосковал по старшему брату и всем близким, по старым друзьям.

Он тосковал даже по няне-роботу, которая с самого детства неустанно присматривала за ним, по ярким цветам на домашнем балконе, по золотым рыбкам и маленькой черепахе, которых держал папа, и даже по вредной кошке соседки...

Он так сильно, так безнадежно и отчаянно скучал по ним всем.

Глухая тоска и гнетущее одиночество полностью заполнили его сердце. Он никогда прежде не испытывал столь мучительной, раздирающей душу разлуки.

Для омеги поддержка близких была не просто приятным дополнением, а жизненной необходимостью.

В этот момент лицо Тан Чжо выглядело пугающе бледным, а взгляд – уязвимым и бесконечно печальным, что, будь он в прежнем мире, его няня-робот немедленно подала бы сигнал тревоги, зафиксировав критическое состояние подопечного.

К сожалению, теперь он был совсем один.

Все чувства, всю эту лавину боли ему приходилось проживать и переваривать в полном одиночестве, и, наконец, он оказался на грани настоящего нервного срыва...

И именно в этот переломный момент появился Цзюнь Яньсин.

Сейчас он не выглядел таким суровым и неприступным, как сегодня утром; напротив, он смотрел на Тан Чжо с явным беспокойством, тихо спрашивая, не нужна ли помощь.

Тан Чжо не удержался и в глубине души взмолился о поддержке.

«Пусть он спасёт меня...»

Ему было так плохо, так невыносимо и остро больно...

Ему нужно было лишь одно объятие, всего одно единственное объятие... Чтобы кто-то, кто ощущался бы как родной человек, просто прижал его к себе в этот миг отчаяния. Можно?

Из-за непрерывно текущих слёз Тан Чжо совершенно не мог разглядеть выражение лица Цзюнь Яньсина, он лишь увидел, как...

Мужчина, заметно колеблясь, медленно поднял руки и осторожно, почти невесомо, заключил его в объятия.

Тело Цзюнь Яньсина ещё никогда не было таким напряжённым, словно каждая мышца была натянута, как струна.

Сладкий, кристально чистый аромат персика мягко окутывал их обоих, становясь всё более насыщенным и дурманящим по мере того, как они сближались.

Тело парня не было мягким, но...

Ладони сквозь тонкую летнюю ткань одежды словно чувствовали гладкую, нежную кожу, что невольно напомнило ему о том случайном, мимолётном объятии через одеяло.

Тогда Тан Чжо не удержался и повалился на него, и в возникшей суматохе ладонь, обхватившая поясницу парня, случайно коснулась чего-то удивительно гладкого.

Это упругое, нежное прикосновение...

Цзюнь Яньсин почувствовал, как внезапно перехватило горло, и ладонь непроизвольно скользнула вниз, переместившись со спины Тан Чжо на узкую талию.

Для Тан Чжо этот жест показался скорее успокаивающим, дарящим долгожданное чувство безопасности.

Он плотно уткнулся лицом в грудь Цзюнь Яньсина и, не в силах больше сдерживаться, разжал руки, которыми до этого обнимал себя, и вместо этого крепко обхватил Цзюнь Яньсина.

Почувствовав, что тело мужчины, кажется, стало ещё жёстче, Тан Чжо не отстранился, а наоборот, обнял его ещё крепче, зарываясь в эти объятия всё глубже и глубже.

«Не отталкивай меня, пожалуйста, позволь мне побыть в твоих руках ещё немного», – умолял он про себя.

Он действительно очень, жизненно нуждался в этом.

Цзюнь Яньсин слегка нахмурился.

Он чувствовал, как сбился ритм сердца, что вызывало у него лёгкое замешательство и глубокое недоумение.

Столь близкого, интимного контакта с кем-либо у него не было с тех самых пор, как умерла мать.

Он был старшим сыном влиятельной семьи Цзюнь, первым наследником, но за его спиной всегда стояло бесчисленное множество людей, жаждущих занять его место, и в детстве он не смел показывать слабость даже самым близким.

Включая так называемых «родственников», с которыми у него была общая кровь, но не было общих чувств.

Став взрослым, он с головой ушёл в работу, и, кроме бесконечных дел, почти ничего не замечал вокруг.

А бесконечные неприятности и семейные несчастья, вызванные хаотичной и порочной личной жизнью Цзюнь Хуа, окончательно отбили у него всякий интерес к романтическим отношениям между мужчинами и женщинами.

Что же касается мужчин...

Он никогда прежде не сомневался в своей ориентации так, как сейчас, в эту самую минуту.

Конечно, после первоначальной растерянности Цзюнь Яньсин быстро взял себя в руки.

Как взрослый и рассудительный человек, он прекрасно понимал, что такая реакция организма вполне естественна, и знал, что после перерождения, возможно, ему действительно стоит попробовать что-то новое, но...

Почему этим человеком оказался именно Тан Чжо?

Ведь он искренне хотел держать дистанцию, и до сегодняшнего дня ему это весьма неплохо удавалось.

Его недавний вопрос о помощи был продиктован лишь базовой человеческой моралью и прагматичной личной выгодой: в конце концов, если с Тан Чжо, соседом по комнате, что-то случится, у него самого возникнут лишние неприятности.

Но это объятие...

Как ни крути, это было уже слишком.

Разум подсказывал Цзюнь Яньсину, что нужно немедленно оттолкнуть Тан Чжо, а не позволять ему так бесцеремонно садиться на шею.

Вероятно, из-за того, что он слишком много пережил в прошлой жизни, а Тан Чжо из того будущего оставил у него крайне неприятные, грязные воспоминания, Цзюнь Яньсин даже начал подозревать, что этот полный скорби и отчаяния вид Тан Чжо – всего лишь искусная актёрская игра.

И всё же в итоге он просто остался стоять неподвижно, не в силах заставить себя разорвать этот контакт.

Возможно, потому, что эмоции в глазах Тан Чжо были слишком искренними, а он... он уже видел такой взгляд, полный безысходности.

Время словно замерло, а может, пролетело в одно короткое мгновение.

Наконец хватка Тан Чжо немного ослабла.

Хотя ему до смерти не хотелось покидать тепло этих объятий, Тан Чжо всё же решил осторожно отстраниться.

Он поднял голову, и, хотя в уголках глаз всё ещё блестели непролитые слёзы, он уже растянул губы в мягкой улыбке, одарив Цзюнь Яньсина своим самым сладким выражением лица.

- Спасибо тебе, – тихо произнёс Тан Чжо.

Он поблагодарил его совершенно искренне, от всего сердца.

Цзюнь Яньсин тоже внезапно очнулся от своих тяжёлых воспоминаний.

Он машинально поднял взгляд, и яркая, лучезарная улыбка Тан Чжо без всякого предупреждения врезалась в память, словно ослепительный солнечный свет, разгоняющий вековую тьму; тени, что окружали сердце, отступили, подобно морскому приливу.

Он слегка заторможенно моргнул, совершенно не зная, что ответить на такую искренность.

Тан Чжо не заметил его странного, ошеломлённого состояния.

Он аккуратно вытер пальцами остатки слёз в уголках глаз и тихо пробормотал:

- Прости, я немного потерял контроль над собой...

Цзюнь Яньсин пришёл в себя, и выражение его лица быстро изменилось, снова став прежним – холодным и отчуждённым.

- Если больше ничего нет, я вернусь в свою комнату, – отрезал он.

Снова став неприступным, он говорил голосом, словно покрытым тонким слоем инея, от которого подсознательно хотелось держаться подальше.

Сказав это, Цзюнь Яньсин собрался уходить.

В глазах Тан Чжо вновь промелькнула та самая уязвимость.

«Он уходит? Снова останусь в этой звенящей тишине один?»

Видя, что Цзюнь Яньсин уже делает первый шаг к выходу, Тан Чжо порывисто протянул руку и ухватился за край его одежды.

Когда Цзюнь Яньсин нахмурился, глядя на него сверху вниз, Тан Чжо на мгновение замер, а затем, набравшись смелости, попросил:

- Можешь помочь мне принести аптечку? Она лежит в шкафу.

Цзюнь Яньсин лишь равнодушно, почти свысока смотрел на него.

Обычно, когда он так смотрел, любой, кто пытался приблизиться, тут же останавливался, не смея совершить даже самое незначительное действие, которое могло бы его разозлить.

К сожалению, этот проверенный приём на Тан Чжо не сработал.

Столкнувшись с ледяным взглядом, Тан Чжо не только не отступил, но и снова улыбнулся. Его глаза, влажные от слёз, превратились в два очаровательных полумесяца, а покрасневшие уголки глаз невольно вызвали глубокую жалость.

- Эта аптечка лежит на самой верхней полке шкафа, - продолжал он. - У меня болит нога, мне немного неудобно передвигаться.

Его голос, только что дрожавший от плача, из-за сильного насморка звучал особенно мягко и приглушённо.

- Поможешь мне достать её, пожалуйста?

Он словно совершенно не чувствовал исходящего холода и явного отказа Цзюнь Яньсина, продолжая жалобно и настойчиво просить.

Цзюнь Яньсин некоторое время молча смотрел на него и понял, что этот парень действительно не собирается отступить ни на шаг.

Его взгляд медленно опустился: сначала на тонкие пальцы Тан Чжо, всё ещё сжимавшие одежду, а затем ниже, на ноги парня.

Ноги Тан Чжо были стройными, а кожа – светлой и почти прозрачной.

Это должно было быть приятным зрелищем, но громоздкий гипс на правой стопе и многочисленные ссадины и синяки на бледной коже портили эту природную красоту.

Цзюнь Яньсин посмотрел на это пару раз и, недовольно нахмурившись, отвёл взгляд.

– Отпусти, – коротко бросил он.

Тан Чжо замер и был вынужден разжать пальцы.

«Неужели... он действительно не может побыть со мной ещё хотя бы немного?»

Он горько прикусил губу, слёзы снова подступили к глазам, но в этот момент голос Цзюнь Яньсина, полный лёгкого, почти незаметного раздражения, прозвучал снова:

– В каком шкафу?

Потухший взгляд Тан Чжо мгновенно вспыхнул. Он радостно поднял голову, глядя на Цзюнь Яньсина, и в его красивых больших глазах отразилась высокая фигура мужчины.

– Слева от тумбы под телевизор, на самой верхней полке.

Под пристальным присмотром Тан Чжо Цзюнь Яньсин быстро достал аптечку.

Он поставил её на пол и открыл: внутри оказалось множество различных лекарств первой необходимости, большую часть из которых Тан Чжо купил только вчера.

Тан Чжо заглянул внутрь и ловко выудил пузырёк с противоотёчным и обезболивающим средством.

– Можешь помочь мне намазать?

Он открутил крышку, окунул туда ватную палочку, перемешал содержимое, одной рукой протянул её Цзюнь Яньсину, а другой аккуратно убрал мешающую чёлку со лба.

Заметив, что Цзюнь Яньсин явно хочет отказаться, он лукаво улыбнулся и сказал:

– Помоги уж до конца, господин Хороший Человек.

Он слегка запрокинул голову, обнажив очаровательные ямочки на щеках, и улыбнулся невероятно нежно и мило.

Цзюнь Яньсин уставился на него, прищурив глаза, отчего его вид стал немного грозным.

Тан Чжо совершенно не испугался, в его улыбающихся глазах мелькнула хитринка. Он уже понял одну важную вещь: Цзюнь Яньсин холоден снаружи, но добр внутри. Хотя он и выглядит суровым, на самом деле довольно легко поддаётся на искренние уговоры.

И действительно, под его настойчивым, обволакивающим взглядом мужчина в конце концов взял пузырёк с лекарством.

Цзюнь Яньсин взял лекарство и увидел, что Тан Чжо наклонился, подставив лоб, чтобы было удобнее наносить мазь.

Они оказались так близко.

Настолько близко, что можно было разглядеть крошечные пушистые волоски на лицах друг друга, настолько близко, что Цзюнь Яньсин снова почувствовал тот лёгкий аромат персика,

который теперь стал ещё более насыщенным.

Глаза Тан Чжо были прекрасны: кристально чистые зрачки, а когда он слегка щурился, наполняясь мягкой, светлой улыбкой, это выглядело просто завораживающе.

Честно говоря, с самого момента их встречи этот парень не производил на Цзюнь Яньсина плохого впечатления, даже наоборот – это немного стёрло мрачные воспоминания о прошлой жизни.

Цзюнь Яньсин всегда считал, что прекрасно разбирается в людях, но эта способность, казалось, совершенно не работала с Тан Чжо.

Был ли тот неряшливый, легкомысленный Тан Чжо из будущего, с его вульгарными манерами, действительно тем же самым человеком, что сейчас стоял перед ним? Какой ужасный опыт заставил его стать таким?

Или же...

Это лишь искусная маскировка для достижения какой-то скрытой цели?

У Цзюнь Яньсина не было ответа, но он был уверен в одном: Тан Чжо чего-то от него хотел.

Если то объятие ещё можно было списать на случайность и эмоциональный срыв, то после него взгляд Тан Чжо изменился.

В этих красивых глазах появилось скрытое намерение, и это знакомое, противное чувство, будто его используют, вызывало у Цзюнь Яньсина раздражение и глубокий дискомфорт.

Он знал, чего Тан Чжо хочет добиться.

Точно так же, как и все те, кто намеренно приближался к нему раньше, не гнушаясь ничем, чтобы извлечь выгоду.

Чего же Тан Чжо хочет от него на самом деле?

В этот период он только вернулся из-за границы, его способности ещё не были признаны Цзюнь Хуа, а строгий и суровый отец ещё не представил его общественности, поэтому мало кто знал его в лицо.

Тан Чжо вряд ли мог знать, кто он такой на самом деле.

Значит, то, на что он рассчитывает...

Вероятно, это деньги.

Это было вполне ожидаемо, но почему-то в самой глубине души Цзюнь Яньсин почувствовал лёгкое, почти неосознанное разочарование.

Вслед за разочарованием пришло раздражение и свинцовая усталость, которые он с трудом подавлял, а также тупая головная боль от долгой, изматывающей бессонницы.

В его холодном взгляде появилось нечто мрачное и опасное.

– Закрой глаза, – холодно приказал он.

Тан Чжо слегка опешил.

Он остро почувствовал резкую перемену в настроении Цзюнь Яньсина, но совершенно не понимал, в чём её причина.

Что касается закрытых глаз...

Он заколебался, но, взглянув на сердитое, напряжённое лицо Цзюнь Яньсина, в конце концов послушно выполнил просьбу.

В этом мире они были одного пола, у Цзюнь Яньсина не могло быть на него никаких романтических видов, а если бы он хотел его ударить, ему не нужно было бы просить закрывать глаза.

Значит, он просто беспокоился, что едкое лекарство попадёт в глаза, вот и всё.

Когда он закрыл глаза, зрение отключилось, и остальные чувства мгновенно обострились.

Тан Чжо беззащитно стоял с закрытыми глазами, тихо ожидая прикосновения.

Однако Цзюнь Яньсин медлил. Тан Чжо услышал, как его дыхание стало более частым и тяжёлым, а воздух вокруг словно внезапно наполнился жаром.

«Что происходит?»

Сомнения Тан Чжо усилились, и как раз в тот момент, когда он хотел открыть глаза, почувствовал резкую прохладу на лбу.

– С-с-с...

Резкая боль от того, что ватная палочка с излишней силой нажала на рану, не дала Тан Чжо возможности размышлять дальше.

Ватная палочка, пропитанная лекарством, под сильным нажимом выпустила излишки жидкости, которая тонкими струйками потекла вниз, быстро заливая закрытые глаза Тан Чжо и пропитывая густые ресницы.

Жидкость с резким, химическим запахом заставила Тан Чжо побояться открывать глаза, а боль от грубого надавливания на рану продолжалась.

Он мог лишь инстинктивно протянуть руку и ухватиться за одежду человека перед ним, беспомощно прося:

- Полегче...

- Цзюнь Яньсин, ты делаешь мне больно...

- Не дави так сильно, пожалуйста, - жалобно простонал он.

Он не получил никакого ответа от Цзюнь Яньсина, лишь услышал, как тот сделал глубокий, рваный вдох, затем ватная палочка, упирившаяся в лоб, была резко убрана, а его руку грубо оттолкнули.

Тан Чжо, не обращая внимания на жжение от лекарства, приоткрыл один глаз.

Увидев, что Цзюнь Яньсин отложил лекарство и собирается уходить, Тан Чжо испугался и порывисто бросился к нему, обхватив руками -

Он крепко, до боли, обнял его за талию.

- ...

Цзюнь Яньсин был вынужден замереть в полуприседе.

Действие Тан Чжо явно застало его врасплох, выбив из колеи.

Он опустил голову, глядя на руки, обхватившие талию. Если раньше это были лишь смутные подозрения, то теперь всё подтвердилось.

Тан Чжо действительно использовал его, причём теми самыми методами, которые он презирал больше всего на свете.

Цзюнь Яньсин перехватил запястья Тан Чжо и обернулся, глядя на него тяжёлым, пронзительным взглядом.

- Что ты делаешь? – спросил он.

Его голос был суровым и холодным, но в нём слышалась едва уловимая, почти призрачная растерянность.

Тан Чжо затараторил, задыхаясь от волнения:

- Прости, прости, я вовсе не хотел тебя винить, просто мне было очень больно, и я не сдержался, честное слово, я больше не буду кричать!

- Не уходи, пожалуйста, не уходи...

Он действительно не мог больше выносить это гнетущее одиночество, словно во всём огромном мире остался только он один. Пусть он побудет здесь ещё немного, пусть позволит ему набраться хоть капельки тепла и энергии...

Цзюнь Яньсин: – ...

<http://bllate.org/book/18547/1789279>